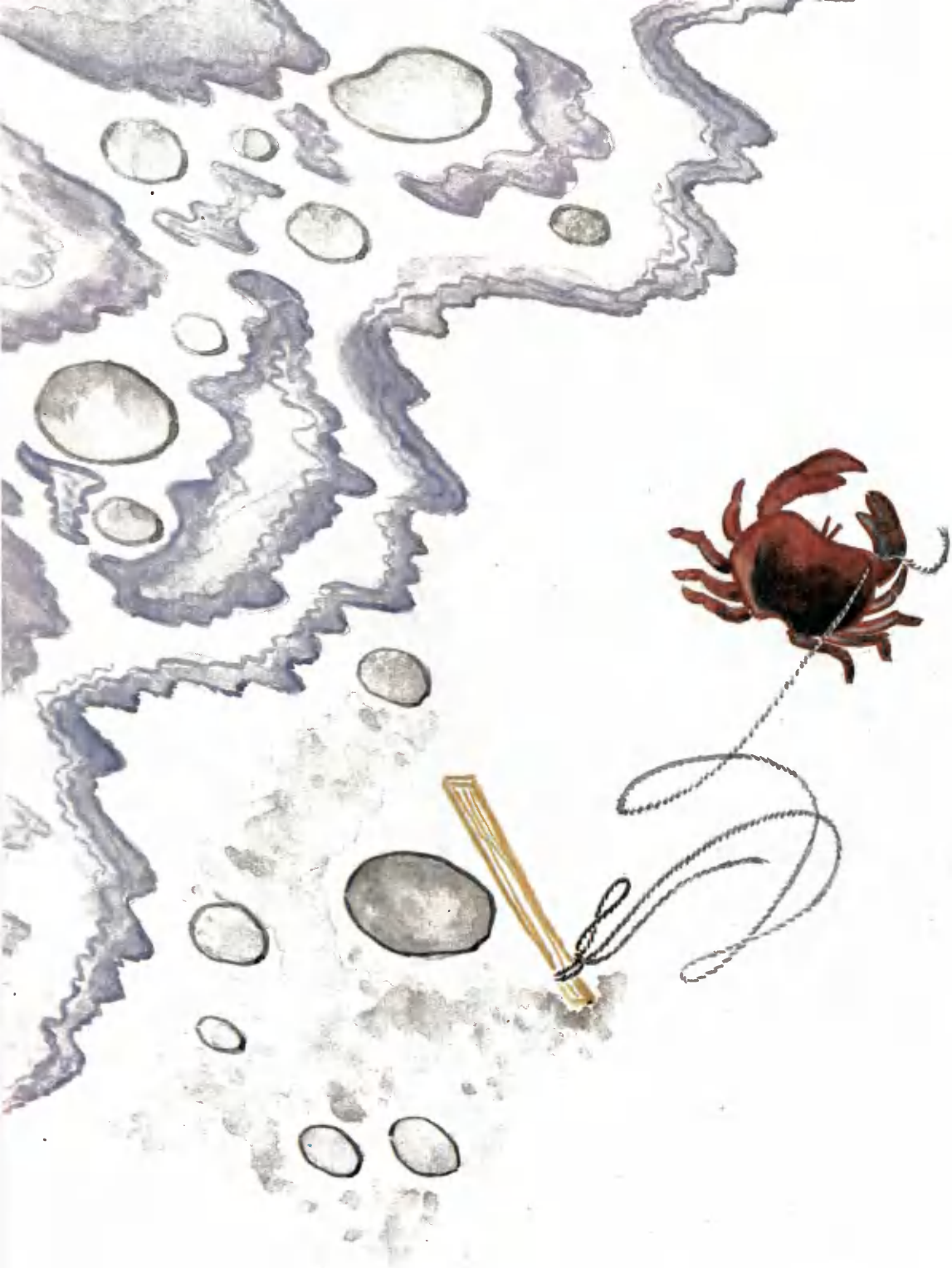

М И Х А И Л К О Р Ш У Н О В

КРАБЬИЙ ТУПИК

Издательство
"Детская литература"

Михаил Коршунов

КРАБИЙ ТУПИК

Рисунки
М.Успенской

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

1

У пристани стоит корабль. Называется — «Моревед». Он изучает море. Не сам корабль, конечно, а люди, которые на нём плавают. Каждый год приезжают сюда в экспедицию.

«Мореведу» они нравились: были молодыми, а он был уже старым. Они были весёлыми, а он иногда грустил. Это случалось зимой: шли холодные дожди, выпадал снег. На «Мореведе» никого не было, кроме чаек и морских уток. А в трюм забирались даже воробьи.

Но зато летом, когда с утра и до вечера светило солнце, «Моревед» отправлялся в далёкие плавания.

В этот год случилось так, что с некоторыми членами экспедиции приехали маленькие дети.

Детей приехало трое — Вовка, Шурик и негритяночка Пати.

Старшим был Вовка. Он учился в школе. Младшим был Шурик. Он в школе не учился. Пати была старше Шурика, хотя и она в школе ещё не училась. И вообще Пати была негритяночкой.

«Моревед» стоял у пристани. На него грузили вещи и научные приборы.

Вдруг «Моревед» увидел ребят — Вовку, Шурика и негритяночку Пати, у которой в ушах, как две дождевики, висели серёжки.

Ребята улыбнулись «Мореведу», а он им тихонько погудел.

Но вот беда — детей нельзя брать в экспедицию. Запрещено. И никто не знал, как с ними поступить.

И тогда «Моревед» предложил поселить их в Крабьем Тупике. Есть такая бухта. В ней насыпаны тонкие ракушки и густой песок. А море чистое, светлое и совсем мелкое.

Можно поставить на берегу брезентовый дом и сколотить летнюю кухню из фанеры.

Смотреть за ребятами будет Вера Васильевна. Бывшая рыбака, сейчас она на пенсии. Её сыновья давно выросли и работают на морозильном траулере. Каждый год траулер уходит на промыслы в Южную Атлантику. Вере Васильевне скучно одной в посёлке, и она с удовольствием переберётся в Крабий Тупик, присмотрит за ребятами.

«Моревед» готов к выходу в далёкое плавание: погрузка вещей и научных приборов закончена.

Родные прощались с детьми. Дети останутся жить в Крабьем Тупике с Верой Васильевной. Всё устроилось так, как сказал «Моревед».

Вовкин отец, прощаясь с сыном, говорил, чтобы Вовка слушался Веру Васильевну и ещё всякое такое полезное делал.

Отец Шурика, прощаясь с сыном, посадил его к себе на плечо, и они немного прошлись.

Шурику взгрустнулось. Так лучше пройтись, чтобы никто не видел, как тебе грустно.

Мать негрятяночки Пати тоже прощалась с дочкой. Они сидели очень похожие друг на друга. Их головы были рядом. Четыре дождинки висели в ушах, блестя на солнце.

Но вот «Моревед» включил лебёдку, потянул якорь. Все заспешили вверх по трапу.

«Моревед» отцепил от пристани верёвки, которыми был привязан, убрал трап. Толкнул бортом пристань, где стояли ребята. Толкнул по-дружески на прощание и начал разворачиваться в открытое море.

2

Крабий Тупик. Здесь насыпаны тонкие ракушки и густой песок. А море чистое, светлое и совсем мелкое.

В брезентовом доме стоят брезентовые кровати и брезентовые стулья.

На окнах — брезентовые ставни. Чтобы их открыть, надо скатать в трубку и пристегнуть пряжкой. Чтобы закрыть, пряжку надо отстегнуть и трубку раскатать.

И дверь брезентовая. Она тоже скатывается и раскатывается.

Ночью, когда прохладно, весь дом закрыт. А днём, когда жарко, он весь пристёгнут пряжками.

Если на дом садится жук, то изнутри видна большая тень. Жук ползёт, шевелит усами. И тень ползёт, шевелит усами. Наблюдать интересно и совсем не страшно.

Вовка, Пати и Шурик просыпаются рано. Откатывают брезентовую дверь и поднимают с окон брезентовые ставни.

Из летней фанерной кухни вьётся дымок: Вера Васильевна готовит завтрак.

В кухню заглядывают воробьи, интересуются, что она готовит. Совсем низко пролетают чайки и морские утки, тоже интересуются: может быть, Вера Васильевна жарит рыбу?

Ветер слегка покачивает море, и волны выбегают на песок и ракушки.

Навстречу волнам бежит Вовка. За ним бегут Пати и Шурик.

Вера Васильевна спокойна — ничего с ребятами не случится: ведь это Крабий Тупик.

Вовка выделяет всякие штуки — кувыркается, ныряет, размахивает в воздухе ногами.

Шурик тоже кувыркается, размахивает в воздухе ногами и ныряет. Ныряет — это значит просто приседает.

А негрityночка Пати — она улыбается морю. Стоит, гладит море ладонями.

К ней подплывают глоссики — маленькие рыбы. Они смотрят на Пати. А Пати смотрит на них, улыбается им тоже. Сзади подкрался Вовка. Полетели брызги. Глоссики испугались, исчезли.

Пати не испугалась. Она знала, что это Вовка. Громко засмеялась и запрыгала среди брызг.

Вера Васильевна зовёт ребят: пора завтракать.

Ребята прямо так и завтракают — мокрые, невытертые. А зачем вытираться, если после завтрака опять убегут в море.

Вовка охотится на крабов. Он самый храбрый.

Отправляется к большому камню. Камень старый. Водоросли, как зелёная борода, свисают в воду.

Вовка ходит вокруг камня с палкой в руках. К концу палки приделан гвоздь. Это гарпун. Вовка не поймал ещё ни

одного краба, но уверяет, что видел их собственными глазами.

Шурик крабов боится. И Пати крабов боится, хотя никогда не видела собственными глазами.

Во время охоты Пати и Шурик стоят в стороне, ждут результатов. Но результаты всегда одинаковые.

— Во! — говорит Вовка и показывает размер краба.

— Собственными глазами видел? — спрашивает Шурик.

— Угу. Я в него гарпуном...

— А он?..

— Сорвался.

— Убежал, значит?

— Угу. Но я его достану.

Вовка рассказывает, а сам поглядывает на Пати: производит ли рассказ на неё впечатление.

Глаза Пати широко раскрыты. Она восхищена смелостью Вовки.

Вовка, небрежно помахивая гарпуном, идёт вдоль берега. За ним идут Пати и Шурик.

Шурик говорит Вовке:

— Что гвоздь — ты вилку привяжи. Тогда не сорвётся.

— Вилку? — Вовка оборачивается и смотрит на Шурика. — Я честный охотник.

Шурик посрамлён. Пати восхищена Вовкой больше прежнего.

— А то возьму краба живьём. Выкопаю бассейн, налью воды, и пусть сидит для обозрения.

— Краб вылезет из бассейна, — говорит Шурик.

Вовка не желает этого слушать. Он увлечён своими планами.

— Кормить буду. А когда приручу — отдам тебе, Пати. Хочешь?

Пати улыбается:

— Хочу.

Ребята ложатся на песок.

Вовка говорит:

— Скоро начну охотиться на рыб.

— На рыб не надо,— говорит Пати. Она вспомнила глос-
сиков.

— Ну ладно,— уступает Вовка.— На рыб не буду. Вот ес-
ли бы здесь были морские черепахи или каракатицы с чер-
нилами...

Вовка сыплет себе на грудь песок. Шурик тоже сыплет
себе на грудь песок. Пати прищурилась, смотрит на солнце.
Завитки её волос блестят, губы приоткрыты, улыбаются.

Мама часто рассказывает Пати о солнце. В его лучах семь
цветов. Их можно увидеть в специальный прибор, конечно.
Море забирает к себе в глубину все цвета, кроме синего.
Синий цвет море отражает, поэтому оно синее. От солнца
синее, от его синего луча. Мама и в экспедицию отправилась,
чтобы узнать всё об этом синем луче и о море.

Вовка и Шурик зарылись в песок. Лежат довольные. Тоже
щурятся, смотрят на солнце.

Вдруг Шурик испуганно вскочил. Ему почудилось — кто-
то ползёт по спине. Оказалось, прилипла ракушка.

Вовка засмеялся. Шурик больше не стал зарываться в пе-
сок. Он ушёл к брезентовому дому.

— Ты его обидел, да? — спросила Пати.

— Нет. Он сам обиделся. Сыграем в кремешки?

— Я не умею.

— Ерунда. Я научу.

Вовка выбрался из своей песчаной кучи. Подобрал побли-
зости маленький камень-кремешок. Показал Пати.

— Вот такие надо. Чтобы у тебя двадцать и у меня двадцать.

Пати кивнула.

— Понимаю. А сколько это двадцать?

— Ну, много.

Они вместе пошли искать кремешки. Пати старалась искать разноцветные.

Местом для игры Вовка выбрал старый камень с зелёной бородой. Он был плоским, удобным.

Пати и Вовка сели друг против друга.

Кремешки надо было подбрасывать и ловить обратной стороной ладони по два, по три, по четыре. Или, подбросив один кремешок, успеть собрать остальные и поймать тот, который был подброшен.

Если промахнёшься,— кремешки стучались о камень с зелёной бородой и ускользали в море. Играли до тех пор, пока все кремешки не ускакали.

После обеда ребята отдыхали. Их заставляла отдыхать Вера Васильевна. А сама принималась в летней кухне мыть посуду.

Вспоминала своих мальчишек, когда они тоже были такими вот маленькими, как Вовка и Шурик. Вовка, тот бойкий, на её старшего похож. Про Южную Атлантику рассказывает, про китов и пушки с гарпунами. Географическая карта у него есть, где эта самая Южная Атлантика. Шурик — тот на её младшего похож. Тихий, застенчивый. Но особенно Вере Васильевне нравилась Пати. Смешная она и весёлая. И по-русски говорит, как наши дети. А ещё, может быть, потому нравилась, что была девочкой. А девочек у Веры Васильевны не было — только мальчишки, двое.

Скоро приедет на подводе Трофим Кондратьевич. Он

привозит в посёлок продукты. По пути делает остановку в Крабьем Тупике, чтобы Вера Васильевна смогла купить всё, что ей нужно для ребят.

Приходят в Крабий Тупик и рыбаки, приносят рыбу: как же так, чтобы ребята жили у моря и не пробовали свежей барабульки!

Вечером в брезентовом доме горел керосиновый фонарь. Он назывался штормовым. Такие фонари вывешивают на берегу во время бури. Вера Васильевна любила свой штормовой фонарь. С ним была связана её молодость.

Интересно было сидеть по вечерам вокруг фонаря и слушать Веру Васильевну: её рассказы про то, как она плавала на шаландах и баркасах или как во время Отечественной войны прятала раненых моряков-десантников.

Она прятала их в старом окопе позади дома. Сверху окоп был закрыт брёвнами и ветками. Получилась землянка. Трофим Кондратьевич и ещё один рыбак сколотили из досок лежанки. Очень было страшно, когда раненые стонали и кашляли. Могли услышать немцы в посёлке. Вера Васильевна заставляла своих мальчишек пилить дрова или крутить точильный камень. А то выносила во двор корыто, стирала бельё и громко пела рыбацкие песни.

Раненым надо было готовить еду, и она готовила. Соблюдала осторожность, чтобы немцы не догадались, для чего понадобилось столько еды.

Лекарства доставала в немецком госпитале, куда специально нанялась мыть полы и убирать мусор. И ещё для того, чтобы подсмотреть, научиться делать перевязки и промывать раны. А потом моряков отвезли в горы к партизанам. Трофим Кондратьевич отвёз.

Рассказывала, как её мальчишки здесь, в Крабьем Тупике, посылали сигналы нашей подводной лодке вот этим штормовым фонарём. Посылают сигналы, а сами — начеку: немецкая береговая охрана с собаками ходит. Почуют собаки — не убежишь. Вот только если керосином землю побрызгать успеешь из фонаря. Керосин собакам нюх перебивает. Вот тогда убежишь. А однажды Вере Васильевне пришлось даже стрелять из пистолета в румынского офицера-фашиста. Он выследил, где она прячет раненых моряков-десантников, и хотел выдать их немецкому коменданту...

Рассыпались над Крабьим Тупиком звёзды, словно кто-то очень высоко подбросил жёлтые кремешки. Медленно взошла луна. Чайки и морские утки улетели спать куда-то в море. Воробьи улетели спать в посёлок.

Вера Васильевна укладывает спать ребят. Отстёгиваются и опускаются на окнах брезентовые ставни. Отстёгивается и закрывается брезентовая дверь.

3

Они появились утром. Звали их Макарка и Юра. Они были местными ребятами.

Знакомство состоялось у большого старого камня с зелёной бородой.

Вовка занимался охотой на крабов.

Шурик стоял поблизости наготове: он должен был помогать тянуть из воды краба. Для этого к гарпуну была привязана крепкая нитка.

Пати в купальных трусиках сидела наверху на камне.

Макарка понял, чем здесь занимаются. Закатал штаны и вошёл в море. Руки его исчезли в зелёных водорослях. Макарка весь сосредоточился, нахмурился.

Юра взобрался на камень, чтобы лучше видеть, что происходит.

Вовка и Шурик застыли и тоже наблюдали, что будет дальше. Вовка по-прежнему держал гарпун, а Шурик нитку от гарпуна.

Макарка поднял руку и помахал ею в воздухе. Лицо его сморщилось от боли. Потом он сунул пальцы в рот.

Напряжение зрителей возрастало.

Вдруг Макарка поднял из воды другую руку, и все увидели большого коричневого краба.

Вовка и Шурик замерли от удивления: Макарка поймал его просто руками и держал теперь просто в руках.

Макарка вышел из воды, молча оторвал нитку от Вовкиного гарпуна и ловко обвязал ею краба. Потом влез на камень к Пати.

— На, это тебе,— сказал он и протянул нитку.

Пати вежливо кивнула:

— Спасибо.

— Можешь с ним гулять. Он не убежит.

Макарка сделал то, о чём мечтал Вовка: преподнёс Пати краба, да ещё на поводке.

Краб сразу сделался дрессированным.

Он быстро побежал по камню.

Пати испуганно закричала и выпустила нитку. Толкнула случайно Юру, и он не удержался на камне и свалился в море.

Макарка схватил краба. Потом он помог слезть с камня Пати.

— Не бойся,— сказал он.— Привыкай.

Пати опять вежливо кивнула:

— Хорошо.

Юра как ни в чём не бывало вылез из воды, отряхнулся.

Пати сказала Юре:

— Извините.

Юра застенчиво улыбнулся.

Краб тянул нитку, хотел убежать. Шурик присел и незаметно потрогал краба пальцем.

Краб приподнял клешню. Шурик убрал руку за спину.

Вовка стоял в стороне. Он переживал: авторитет его был растоптан.

Юра снял рубашку, выкрутил её. Подошёл к Пати и встал рядом. Спросил у Макарки:

— Кто чернее?

— Она, конечно,— ответил Макарка.

Юра поглядел, сравнил.

— Да, она. Но к концу лета я знаешь как загорю!..— сказал он Пати.

Пати сказала:

— И я загорю!

— И ты? Ещё?

Макарка и Шурик засмеялись — такой Юра был растерянный.

Вовка стоял надутый.

* * *

— Расскажи про Африку,— попросил Пати Макарка.
Ребята сидели на песке. Краб был рядом: Вовкин гарпун воткнули в песок и к нему привязали нитку.

— Я не знаю про Африку,— виновато ответила Пати.

— Как не знаешь? — удивились Юра и Макарка.

— Я родилась в Москве,— сказала Пати.

— Ты, прямо в Москве?

— Да.

— Чудеса!

Теперь уже все ребята громко смеялись. И Вовка тоже.

4

На следующий день Макарка и Юра снова возникли около брезентового дома. И первое, что они увидели,— это краба. Он был привязан к специальному колышку, чтобы смог, если хотел, купаться в море.

Пати и Шурик обрадовались новым друзьям. Только Вовка надулся.

Пати сказала Макарке, что она решила сходить с крабом к старому камню с зелёной бородой. Ведь краб там жил. Пускай навестит дом, а потом можно будет с ним и погулять.

Зовут краба Нью-Йорк. Это Пати сообщила по секрету.

Макарка удивился: Нью-Йорк — город, а тут краб. Опять чудеса какие-то!

Пати засмеялась и рассказала: вчера вечером краб схва-

тил Вовкину географическую карту. Вовка привёз её, чтобы отметить на ней путь «Мореведа».

Карту отняли, но краб успел откусить город Нью-Йорк.

Город был отмечен на карте кружочком с тонким ободком, и написано было: «Нью-Йорк». Краб съел и кружочек с ободком, и надпись.

Вовка хотел краба немедленно выгнать, но Пати расплакалась. Тогда Вовка разрешил крабу остаться. При виде его он говорит: «Этот тип съел Нью-Йорк».

Пати боится, что Вовка всё-таки краба выгонит. Она ещё имя такое крабу дала — Нью-Йорк.

Ребята пошли купаться к старому камню. Пати научилась брать Нью-Йорка в руки и носить с собой.

Пати села на камень, а краба отправила вниз, туда, где водоросли: пускай навестит дом.

Шурик и Юра бегали по мелководу, кричали, веселились. Макарка исчез в летней кухне, где хозяйничала Вера Васильевна.

Вовка влез на камень к Пати, хмуро сказал:

— Вот возьму и перерву нитку.

— Не надо,— попросила Пати.

— Я другого краба поймаю.

Пати смутилась.

— Мне этот нравится.

— Тогда перерву нитку.

В это время из летней кухни выглянул совершенно непонятный человек: он был разрисован сажей и зубным порошком.

Пати узнала Макарку. Вовка тоже узнал. Он слез с камня и ушёл.

Макарка окликнул Юру и Шурика. Они подняли голо-

вы и с удивлением уставились на разрисованного Макарку.

— Идите ко мне! — позвал Макарка.

Ребята пошли.

Макарка увёл их в летнюю кухню.

Пати посмотрела на Вовку. Он стоял вдалеке, спиной к ней. Пати дёрнула нитку, проверила — как там Нью-Йорк. С Нью-Йорком всё было в порядке.

Из летней кухни вышли три человека, разрисованных сажей и зубным порошком. Они медленно и воинственно приближались к Пати. Начали подпрыгивать и размахивать руками.

В дверях летней кухни стояла Вера Васильевна. Она держала кастрюлю.

Макарка, Юра и Шурик подпрыгивали всё выше и размахивали руками всё энергичнее.

Пати засмеялась. Она поняла: ребята показывают ей Африку.

5

Пропал Вовка. Его искали и Вера Васильевна, и Пати, и Макарка, и Шурик с Юрой.

Обшарили Крабий Тупик. Лазили среди скал. Кричали, звали.

Нет Вовки.

Тогда Вера Васильевна кинулась в посёлок — рассказать всем, что пропал мальчик.

Вдруг Пати обнаружила записку. Она лежала на старом камне, придавленная кремешком, чтобы не сдуло ветром. Написана была на обрывке той самой географической карты, от которой краб откусил город Нью-Йорк.

Пати начала разбирать записку по слогам. Но тут подошёл Макарка:

— Покажи.

Пати показала.

Макарка вслух прочитал:

— «Захочу и найду «Мореведа».

Постоял, подумал. Ещё раз прочитал записку. Потом позвал Шурика и Юру, велел им бежать в посёлок — успокоить Веру Васильевну: Вовка будет найден.

— А ты куда? — спросили его Шурик и Юра.

— Не ваше дело.

— А я? — сказала Пати.— Как же я?

— Ты сиди дома.

— Не хочу дома.

— Ну ладно, пойдёшь со мной.

— А Нью-Йорк? — Рядом с Пати на нитке стоял краб.

— Оставь его здесь.

— Хорошо.

Пати пустила краба в водоросли. Конец нитки придавила кремешком, которым была придавлена записка. Макарка рядом с кремешком положил ещё камень потяжелее.

Шурик и Юра побежали в посёлок.

Макарка кивнул Пати, и они пошли в сторону большого залива, где жили рыбаки.

В большом заливе стояли сейнеры вплотную друг к другу.

И так до самого берега. А на берегу лежали свежепокрашенные спасательные круги, пожарные вёдра, багры, якорные цепи, верёвки, коричневые груды сетей.

Возле старого баркаса, вытасченного из воды, работали плотники. Пилили и строгали доски — настилали новую палубу.

Макарка остановился, поглядел на сейнеры.

— Все на месте.

— На месте? — переспросила Пати.

— Ну да. В море никто не вышел. Значит, и Вовка на месте.

— Вовка?

— Ну да. Спрятался на каком-нибудь из них и сидит.

— А можно спрятаться?

— Конечно. По ним ходишь, как по улице, — с одного на другой. Где-нибудь и спрячешься.

И правда — по сейнерам, как по улице, ходили рыбаки. Бегали ребята и даже собаки.

— Жди тут, я сейчас. — И Макарка побежал к причалу, где стояла группа людей, и среди них один очень высокий капитан в белой фуражке.

— Дядя Викентий! — закричал Макарка. — Дядя Викентий!

Макарка добежал до капитана и начал что-то торопливо рассказывать. Все остальные тоже слушали Макарку.

В это время Пати почувствовала, что кто-то тронул её за руку. Пати оглянулась. Это была девочка в ярком сарафане, собранном точно из подсолнухов. Глаза её были полны удивления.

Девочка спросила:

— Ты кто? Африканец?

Пати ответила:

— Я африканец из Москвы.

— А бывают такие?

— Бывают.

— Чтоб африканец не из Африки?

— Да.

— А чего ты здесь делаешь?

— Приехала жить. У меня есть краб. Он съел Нью-Йорк.

Глаза девочки опять полны удивления.

— Весь город съел?

— Да. На карте. А карта Вовкина. Я с ним из Москвы вместе приехала. Вовка обиделся на краба и убежал. Мы теперь ищем Вовку.

— Здесь ищите?

— Да. Макарка говорит, что Вовка на сейнере прячется. Он хочет на нём уплыть и найти «Мореведа», прямо в море.

— Я знаю «Мореведа» и Макарку знаю. Он с моим отцом вон там разговаривает.

— Твой отец капитан?

— Да. Самый главный капитан. У тебя красивые серьги.

— Это мама подарила. Она тоже носит такие.

— Меня зовут Любой.

— Меня зовут Пати.

Они стояли рядом — яркий сарафан, собранный точно из подсолнухов, и две дождевики.

По сейнерам, как по улице, ходит дядя Викентий. За ним ходят Макарка, Пати и Люба. Они ищут Вовку.

Многие рыбаки знали негритяночку Пати, видели её, когда приносили барабульку в Крабий Тупик.

Они кивали ей, улыбались. И Пати улыбалась им и кивала.

Люба проворно бегала по сейнерам. Поднималась и спускалась по узким железным лесенкам, перепрыгивала через канаты и тросы.

Пати едва успевала за ней. В особенности трудно было ходить по узким железным лесенкам.

— Ты не так ходишь. Ты боком ходи,— объясняла ей Люба.— Раз, раз, раз...— приговаривала она сама себе и ловко боком сбегала вниз, почти не держась за поручни.— Раз, раз, раз...— и ловко боком поднималась вверх.

Пати попробовала. И верно, так легче. Может быть, поэтому и краб Нью-Йорк ходит боком?

Макарка и дядя Викентий всё ещё разыскивали Вовку, а Пати и Люба уже играли на улице из сейнеров. Столько было интересного — большие фонари (гораздо больше, чем фонарь Веры Васильевны), кнопки сигналов, чайники, из которых пила чай вся команда, кастрюли, в которых варили обед на всю команду, столы и стулья, которые пристёгивались к полу.

Но самым интересным были, пожалуй, бинокли. Пати и Люба разглядывали в них берег, сейнеры, море.

Люба была счастлива, что Пати так всё здесь нравится.

Пати наблюдала в бинокль за дядей Викентием и Макаркою.

Вот они добрались до большого сейнера и скрылись

внутри. Потом вышли, и с ними ещё кто-то — в сапогах и в куртке.

Макарка всё время забегают вперёд, что-то говорит. Размахивает руками и подпрыгивает. Очень похоже, как это он делал, когда показывал Африку.

Вдруг дядя Викентий подошёл к трубе и потянул за какую-то ручку: открылась дверца.

Пати очень удивилась — дверь в трубе!

— Что ты там увидела? — Люба взяла у Пати бинокль. Немного погодя спросила: — А как его зовут?

— Кого?

— Ну того мальчишку, которого нашли. Я забыла.

— Нашли? — Пати взяла у Любы бинокль.

Около дверцы в трубе стояли Макарка, дядя Викентий, человек в сапогах и в куртке и ещё стоял Вовка.

Пати казалось, что Вовка был счастлив, что его нашли. Он слишком долго пробыл один в трубе.

6

Утром, когда в Крабьем Тупике, как обычно, возникли Макарка и Юра, а потом и Люба, вдруг появился катер.

Его увидели Пати и Люба. Они гуляли с Нью-Йорком. Мальчишки ушли в скалы: Макарка хотел показать, где чайки

и морские утки выводят птенцов и где можно найти скорлупу от разбитых яиц.

Люба сказала:

— Это папа. Его катер,— и сбегала, позвала мальчишек.

Катер медленно приближался, чтобы не наскочить на мель: ведь это Крабий Тупик.

Наконец ткнулся носом недалеко от берега.

Дядя Викентий кинул верёвку. Макарка и Вовка подхватили её и привязали к брезентовому дому.

Дядя Викентий громко сказал:

— Доброе утро, ребята!

Ребята ответили:

— Доброе утро.

— Не годится. Хором и громко надо.— И дядя Викентий взмахнул рукой, подавая команду.

— Доб-ро-е ут-ро! — крикнули ребята.

— Это уже похоже, что здесь организованный отряд.

— А зачем вы к нам? — осторожно спросил Вовка. Ему не очень хотелось вспоминать про сейнер и трубу. Он простил уже Макарку. Ведь Макарка спас Вовку от трубы, нашёл его.

— Сейчас узнаешь. Кто командир отряда?

— Нету у нас командира.

— А какая система правления?

Вовка пожал плечами.

— Нету системы.

— У нас Вера Васильевна,— сказал Шурик.— Она пошла в посёлок за хлебом.

— Плохо, что за хлебом ходит Вера Васильевна, а не вы. Придётся сообщить «Мореведу».

— «Мореведу»? — удивились ребята.

— Да. Он только что прислал радиogramму. Спрашивает: как живёте, чем занимаетесь? Полезным, конечно.

И дядя Викентий достал из кармана кителя узкий листок бумаги. Каждый захотел сам прочитать радиogramму. И ребята передавали её друг другу.

Пати спросила:

— А про синий луч там что-нибудь написано?

— Да,— сказал дядя Викентий.— И не только про синий луч. Но и про то, как «Моревед» изучает разные подводные течения, корм для рыб и самих рыб.

Вдруг дядя Викентий дёрнул ногой. У него на ботинке сидел краб. В то время как Пати медленно, по слогам читала радиogramму, краб незаметно вытянул у неё из рук нитку и убежал.

— Папа, это Нью-Йорк,— сказала Люба.— Я тебе про него говорила.

— Ах да, Нью-Йорк...

Вернулась из посёлка Вера Васильевна.

— Будем завтракать,— сказала она.— И вы с нами, Викентий Павлович. Обязательно.

Дядя Викентий начал было говорить, что ему некогда, что он торопится. Но Вера Васильевна ничего и слышать не хотела и заторопилась в летнюю кухню.

Пока она жарила там барабульку, Вовка притащил свою географическую карту без города Нью-Йорка и попросил дядю Викентия показать, где находится «Моревед», в какой части Чёрного моря.

Дядя Викентий поглядел на Вовку, и Вовка понял, что дядя Викентий имеет в виду сейнер и трубу.

— Нет,— вздохнул Вовка.— Мне так, вообще. Я для этого и карту привёз.

— Ну, если вообще...— И дядя Викентий показал на Керченский пролив.

Вера Васильевна вынесла сковородку с барабулькой.

За Верой Васильевной бежал Нью-Йорк.

— Опять этот гангстер,— сказал дядя Викентий.

За Нью-Йорком бежала Пати: Нью-Йорк опять у неё вырвался и она его догоняла.

7

И правда, что же это такое — ни системы, ни командира. И ребята решили: они будут отрядом, а командирами отряда будут Вовка и Макарка. По очереди. И тогда никаких обид между ними — система!

Первым «на командира» назначили Вовку. Вовка подумал и назначил Шурика первым дежурным (в отрядах всегда бывают дежурные).

Шурик спросил у Вовки, что ему, дежурному, надо теперь делать.

Вовка подумал и сказал:

— Следить за системой.

Шурик спросил:

— А как следить?

Вовка подумал и сказал:

— Самостоятельно.

Шурик больше ничего не спросил и начал самостоятельно следить за системой.

После обеда самостоятельно доел остатки третьего. Потом распорядился, чтобы другие мыли грязную посуду, а сам лёг спать. Потом проснулся и распорядился, чтобы другие легли спать, а сам отправился гулять.

Шурик едва не развалил всю систему. А потом ещё взял и заскучал. Вспомнился ему отец, вспомнился «Моревед». Грустно стало Шурику. Оно и не должно быть грустно, а стало, и всё.

Вера Васильевна утешала Шурика — скоро он увидит отца и «Мореведа». А Шурик не утешается, грустит.

Приехал Трофим Кондратьевич, он возвращался из посёлка на пустой подводе. Узнал, в чём дело, и сказал, чтобы ребята немедленно собирались в поход.

Ребята обрадовались. В поход — это хорошо, это интересно. Это всё равно что экспедиция или далёкое плавание.

— А как же Нью-Йорк? — спросила Пати.

— Пускай тоже собирается. Возьмём лейку с водой.

— Лейку?

— Ну да. Поливать будем, чтобы солнечный удар не случился.

Взяли для Нью-Йорка лейку. Взяли для себя еды.

Макарка доложил Вере Васильевне, что все к походу готовы, сидят на подводе.

Вера Васильевна вышла проводить ребят. Поглядела на Шурика — ну как он? А Шурик сидит, помалкивает. Поход — это хорошо, это интересно. Всё увидишь собственными глазами.

Трофим Кондратьевич дёрнул вожжи, и подвода покати-

лась вверх по дороге, туда, где скалы, а ещё дальше — горы.

Трофим Кондратьевич рассказывал ребятам, что в горах есть пещеры, которые наподобие воронок глубоко уходят в землю.

В этих пещерах во время войны скрывались партизаны. Трофим Кондратьевич привозил сюда раненых моряков-десантников.

Или что есть одна высокая гора, поднимаешься на неё — облака окажутся ниже горы, и на облаках будет твоё собственное изображение. Мираж.

А дерево секвойя! Оно самое большое в мире. Родом из Калифорнии.

Вовка тут же сказал, что он потом найдёт Калифорнию у себя на карте и всем покажет, где она.

— Очень далеко отсюда Калифорния, за океаном,— продолжал Трофим Кондратьевич,— в Америке. Там когда-то жили индейцы.

Может быть, им ещё встретится лягушка, которая не квакает, а свистит.

Макарка кивнул — точно, не квакает, а свистит. И Юра кивнул. Они с Макалкой знают о древесных лягушках.

Краб ползал внутри подводы, не слушал Трофима Кондратьевича. Трофим Кондратьевич погрозил ему кнутом.

Теперь ребята часто уезжали на подводе. Им нравились такие походы. Каждый раз Трофим Кондратьевич показывал что-нибудь новое.

Они видели голубые кедры и скипидарные деревья. Нашли рощу спелых орехов и долго их грызли и даже спускались в глубокое ущелье, где росла особая низкорослая берёза.

Трофим Кондратьевич сказал, что низкорослые берёзы уцелели с тех далёких времён, когда Крым был покрыт ещё льдом.

Макарка подтвердил, что это так: учительница в школе говорила про низкорослые берёзы. Теперь он всем ребятам их покажет, приведёт ребят сюда.

В карманах у Вовки появились образцы горных пород и минералы. Он собирался привезти всё это в Москву, в школу.

Пати научилась управлять лошадью, дёргать вожжами: «направо», «налево», «прямо», «стой». Научилась близко подходить, давать корм. А все вместе ребята научились выпрягать и запрягать лошадь. Если что и не так получалось, Трофим Кондратьевич говорил: это мелочь. Главное видно — привязана лошадь к оглоблям или не привязана.

Почти в каждом походе краб Нью-Йорк забирался в чью-нибудь нору, и его с трудом вытаскивали, или затевал драку с жуками и воробьями. Один раз подрался даже с настоящей большой курицей.

Хозяйка курицы сказала:

— Таких нахальных раков надо кидать в суп.

Люба ответила:

— Это не рак, а краб.

— Всё равно — в суп.

Но ребята были другого мнения: вместе с крабом они торжествовали победу над курицей.

Нью-Йорк пробовал лазить по деревьям и заборам, грызть орехи и семечки. Боялся он только муравьёв и кнута Трофима Кондратьевича.

Юра старался загореть и сравняться с Пати. Он ходил «по солнцу», сидел там, где солнце, ел там, где солнце.

Шурик дружил с Юрой, поэтому тоже бывал там, где солнце,— сидел, ел, ходил.

А в одном из походов Шурик потерялся: задремал под кустом. Его долго искали, волновались. Когда наконец нашли и все успокоились, Макарка предложил привязать его за нитку, как Нью-Йорка,— тогда больше не потеряется. А Вовка предложил поливать из лейки водой, чтобы не спал.

Ну, а кто-нибудь разве мог понять Шурика?.. Шурик самый младший, и ему, как самому младшему, каждую ночь требуется выходить из брезентового дома. Выходишь, выходишь, а потом и засыпаешь среди белого дня.

* * *

«Моревед» опять прислал радиogramму. Как и в прошлый раз, её доставил в Крабий Тупик дядя Викентий.

В радиogramме «Моревед» рассказывал, что он сейчас измеряет прозрачность воды в море и фотографирует морское дно. А самое главное — поймал маленького дельфина и привезёт его.

Все очень обрадовались дельфину. В особенности обрадовался Вовка. Он сказал, что будет этого дельфина дрессировать.

Ребята попросили дядю Викентия сообщить «Мореведу», что они теперь не просто так, а «система». Что они сами ходят за хлебом, застилают кровати, сами могут выпрягать и запрягать лошадь и ещё всякое такое полезное делать.

Дядя Викентий сказал, что немедленно отправит «Мореведу» ответную радиogramму и про систему, и про хлеб, кровати и лошадь.

* * *

Случилось несчастье: Пати упала и подвернула ногу. Макарка сказал, что ногу надо как-то дёрнуть — и нога встанет на место.

Ребята попробовали, дёрнули. Пати закричала от боли и заплакала. Ребята растерялись и начали ругать Макарку. В особенности его ругала Люба: берётся за то, чего не знает.

Вера Васильевна разволновалась, хотела сама бежать в посёлок за доктором. Но побежали Вовка и Макарка. Сразу оба.

Когда доктор приехал и поглядел на Пати, он сказал, что руки и ноги детям для того и даны, чтобы они их царапали, набивали синяки, подворачивали да устраивали вывихи. А детские доктора существуют для того, чтобы руки и ноги детям ремонтировать. Вот и её ногу они отремонтируют — поставят компресс и плотно забинтуют. Потом ногу следует поддерживать в горячем песке, и лечение закончено.

— А дёргать когда? — спросил Макарка.

— Дёргать? — повторил доктор. — Дёргать на этот раз не требуется.

Вовка и Шурик сказали, что они любят зарываться в горячий песок с ногами и руками и лежать, чтобы одна голова осталась. И если надо, они Пати тоже заруют в горячий песок с ногами и руками.

Доктор подумал и сказал, хорошо, он не возражает — пускай Пати заруют в горячий песок с ногами и руками, но чтобы голова обязательно осталась снаружи.

9

Теперь ребята никуда в поход не отправлялись, ждали, когда Пати выздоровеет.

С утра зарывали Пати в горячий песок и сами зарывались для компании. И Вовка зарывался, и Макарка, и Юра, и Шурик, и Люба. Только Нью-Йорк не зарывался. Он не хотел.

Потом купались, выделяли в воде всякие штуки. Макарка по-настоящему нырял и учил нырять по-настоящему Вовку. Юра тоже по-настоящему нырял и учил нырять по-настоящему Шурика, а не просто приседать.

Вовка и Шурик честно глотали морскую воду, задыхались, кашляли, выливали морскую воду из ушей, но учились нырять по-настоящему. Когда уставали, садились отдыхать возле Пати, играли с ней в кремешки. Но и во время игры Вовка и Шурик иногда наклоняли головы и стучали себя по ушам, чтобы из ушей вылились остатки морской воды.

С тех пор как Пати заболела, Люба часто дежурила на кухне у Веры Васильевны. Она всё делала самостоятельно, но не так, как это делал Шурик.

Когда ребятам надоедало нырять, подкидывать кремешки, они играли в войну. Наступали, отступали, кричали, стреляли. А вечером, проводив в посёлок Макарку, Юру и Любу, собирались около штормового фонаря и слушали рассказы Веры Васильевны. Вовка и Шурик потихоньку всё ещё стучали себя по ушам — выливали из ушей остатки морской воды.

Продолжал наведываться в Крабий Тупик Трофим Кондратьевич: завозил продукты или приезжал просто так — по сидеть, поговорить с ребятами.

Однажды сказал:

— Нехорошо получается... Я вот наблюдаю, вы тут бегаετε, друг в друга стреляете из пистолетов. Воюете, значит.

Ребята сказали, что они не воюют, а играют в войну.

— Всё равно не годится. Некрасиво это. Люди борются за мир, а вы, значит, воюете.

Ребята смутились: что ж, они перестанут играть в войну. И Макарка, и Вовка, и Юра с Шуриком. Да, наверно, и все другие ребята перестанут, если им сказать.

— Вот это достойные слова,— согласился Трофим Кондратьевич.— Чем друг в друга стрелять, лучше подумать — кто кем хочет быть в мирной жизни.

Макарка сказал, что он давно уже решил — будет работать на электронной машине. Вовка сказал, что он хочет быть как сыновья Веры Васильевны — плавать в Атлантике. Юра с Шуриком сказали, что хотят быть похожими на негров. А Пати с Любой сказали, что они хотят, чтобы всегда было солнце, было небо и море тоже. Вот как здесь.

Когда Пати совсем выздоровела и её не надо было больше закапывать с ногами и руками в горячий песок, ребята снова начали совершать путешествия с Трофимом Кондратьевичем.

Едешь на подводе, а подвода приятно пахнет или мукой, или подсолнечным маслом, или свежей капустой. Пахнет тем, что Трофим Кондратьевич перевозил на ней.

Море, солнце, небо кругом. А в небе облака. Вот если бы залезть на ту высокую гору, про которую говорил Трофим Кондратьевич, и поглядеть на облака. Интересно это. А вдруг звёзды увидишь днём на облаках!

* * *

Сейнеры поймали очень много рыбы. И тогда все в посёлке пошли на рыбозавод помогать её обрабатывать.

И Вера Васильевна решила пойти. А как же иначе — ведь она проработала на этом рыбозаводе много лет.

Пригласила с собой ребят: Вовку, Пати и Шурика.

Ребята с радостью согласились. Краб Нью-Йорк тоже согласился, хотя его Вера Васильевна не приглашала.

Рыбозавод стоял на берегу большого залива. Специальные рыбонасосы доставляли рыбу из трюмов в цеха завода, где её солили и коптили.

Вовка увидел сейнер, на котором прятался в трубу. Члены команды приветствовали Вовку как старого знакомого. Дядя Викентий тоже приветствовал Вовку и Пати с Шуриком как старых знакомых. Его флагманский корабль тихонько погудел. Ну совсем как «Моревед».

Во дворе завода женщина в резиновом фартуке и со шлангом в руках мыла бочки.

Пати взяла Нью-Йорка и подошла к ней.

Женщина улыбнулась и сказала:

— Какая ты смугленькая!

Пати улыбнулась в ответ. Вместе с ней улыбнулись и две дождинки. Посадила краба в пустую бочку и попросила облить водой.

Женщина засмеялась, облила краба и сказала:

— Пусть здесь сидит.

Пати привязала нитку к железному обручу и оставила Нью-Йорка.

Возле огромных весов, похожих на ящик, стояла Люба. Она помогала весовщику взвешивать свежую рыбу. Люба была в брызгах моря, на лбу и щеках — пятнышки рыбьей чешуи.

Совсем низко над весами летали чайки и морские утки.

Люба увидела Пати. Подбежала и обняла. Пятнышки рыбьей чешуи оказались теперь у Пати на лбу и щеках.

— Эту рыбу мой отец ловил,— сказала Люба.— Вот сколько её!

Сверху из окна махали руками Юра и Макарка. Они работали в посолочном цехе: кидали в бочки с солёной рыбой лавровый лист, перец и корицу.

Вовку, Пати и Шурика определили в упаковочный цех. Они должны были наклеивать на картонные коробки наклейки: что здесь, в коробках, копчёная барабулька. Очень вкусная. Покупайте, пожалуйста. Вот она нарисована: золотая рыбка под зонтиком. Эмблема завода.

Шурик всем на заводе объявил, что «Моревед» везёт живого дельфина. И что Вовка обещал его дрессировать. И что теперь у них будет не только дрессированный краб, но и дельфин.

Шурика едва удалось вернуть на его рабочее место: уж очень ему понравилось ходить по заводу и рассказывать про дельфина.

Коробки в упаковочном цехе не переставая двигались по транспортёру.

Вовка, Пати и Шурик намазывали коробки клеем и прикладывали очень аккуратно прямоугольные листки наклеек, вытирали по краям белой тряпочкой.

Люба продолжала взвешивать рыбу, а Макарка и Юра продолжали кидать в бочки лавровый лист, перец и корицу.

Начальник упаковочного цеха сказал, чтобы Пати отнесла копчёную барабульку своему крабу.

Пати отнесла. Нью-Йорк взял барабульку, попробовал. Да, очень вкусная. Покупайте, пожалуйста, золотую рыбку под зонтиком!

10

«Моревед» возвращается из плавания. Он прислал радиogramму.

Вера Васильевна сказала Трофиму Кондратьевичу, чтобы приехал на подводе за брезентовым домом и остальными вещами: всё это надо будет перевезти в посёлок.

Пати и Люба привели краба Нью-Йорка к старому камню с зелёной бородой. Вместе с ними пришёл и Макарка. Пати и Люба гуляли с Нью-Йорком, прощались. Гулял и Макарка.

Наконец Пати сказала Нью-Йорку:

— Ну, иди домой,— и посадила его на камень.

Макарка перервал нитку.

Краб постоял на камне, а потом боком спустился в зелёные водоросли. Они качнулись и затихли. Выскочили мелкие пузырьки. Краб Нью-Йорк ушёл в море.

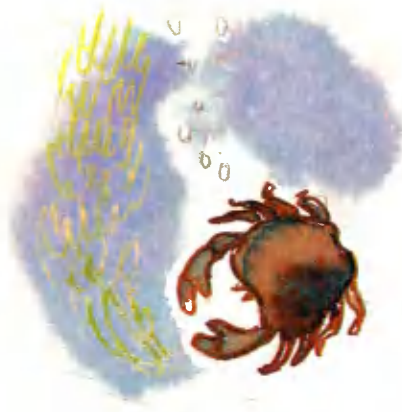
Пати тоже спустилась к морю. Вошла в него и долго стояла, гладила море ладонями.

Юра и Шурик продолжали ходить «по солнцу», сидеть там, где солнце, есть там, где солнце. Они не теряли ещё надежды.

Вовка дочерчивал на своей географической карте какие-то фантастические маршруты будущих путешествий.

Вовка уверен, что все ребята опять встретятся и совершат эти путешествия. Можно будет даже взять новую карту, на которой будет и Нью-Йорк.

А что? Разве такого не бывает, чтобы всем встретиться? Ведь у них теперь система!

Для дошкольного возраста

Михаил Павлович Коршунов

КРАБИЙ ТУПИК

Повесть

ИБ № 7290

Ответственный редактор

Л. Я. ЛИБЕТ

Художественный редактор

Г. Ф. ОРДЫНСКИЙ

Технический редактор

Н. Ю. КРАПОТКИНА

Корректор

Л. Г. ПЕТРОЧЕНКО

Сдано в набор 20.10.83. Подписано к печати 01.03.84.
Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт журн. рубл.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,22. Усл. кр.-отт. 14,04.
Уч.-изд. л. 2,68. Тираж 300 000 экз. Заказ № 4020. Цена
20 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы
народов издательство «Детская литература» Государст-
венного комитета РСФСР по делам издательства, полигра-
фии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Чер-
касский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени
фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцёвский вал.

20 коп.